

В качестве эпиграфа к тексту мне хотелось взять песню Владимира Семеновича Высоцкого «Весёлая покойницкая». Но вся песня для этой цели слишком велика. Поэтому использую её строфы в качестве эпиграфов к фрагментам текста для уточнения интонации. В связи с текущей социальной инвалидизацией приходится искать новые формы интонирования текста. Итак:

Едешь ли в поезде, в автомобиле,

Или гуляешь, хлебнувши винца, —

При современном машинном обилье

Трудно по жизни пройти до конца.

Нас переехали технологии. В обстоятельствах ограничений, появившихся в нашей жизни

с марта 2020 года, всем активно присутствующим в мире людям открылись новые модусы бытия. И не так заметно, но, похоже, необратимо, закрылись некоторые старые. Кто-то стал активно зарабатывать на возникших обстоятельствах (начал создавать новые сервисы), кто-то продолжил жить так, как и до «кризиса» (изолировался). Советчики из «Высших школ» и теленовостей стали показывать тех, кто смог гибридизироваться и теперь зарабатывает на смешанных формах коммуникации — часть деятельности осуществляет в формате онлайн, освободившиеся ресурсы сдаёт в аренду. При этом массовость и количество мероприятий возросли, доходность увеличилась, критерии эффективности упростились (до «лайка»). А у некоторых людей, вроде взрослых экзистенциальных терапевтов, как была, так и осталась возможность уточнять качества жизни, смыслы, границы, тенденции и имена. В этом и состоит роскошь и привилегия бытия экзистенциального терапевта. Выступление на симпозиуме по экзистенциальной терапии послужило моментом объективации некоторых из переживаний последних месяцев. Возможно, эти смыслы не случайны и у кого-то есть похожие переживания.

Вот вам авария: в Замоскворечье

Трое везли хоронить одного —

Все, и шофер, получили увечья,

Только который в гробу — ничего.

Говорят, что меняется промышленный уклад, свергаются старые финансовые элиты, умирают глобальные социальные институты. Да, что-то у кого-то меняется. Увечья только получаем мы, а этим «покойникам» уже ничего не угрожает. Нельзя сказать, что эти месяцы были потерянными или несчастными. Но они были особенными, инвалидными. Конечно, многому из того, что планировалось, было суждено не состояться. Удивительно, сколько поездок не состоялось. Раньше думал, что я мало езжу. Оказывается — это было много. То, что раньше воспринималось обычным, теперь кажется чудесным и может не повториться никогда. Особенно это касается событий, связанных с поездками, отдыхом, мероприятиями, вписанными в природные и культурные ландшафты. К удалённым и труднодостижимым теперь стали относиться соседние районы города, не то, что другие страны. Для того, чтобы зайти в университет, приходится жертвовать своей идентичностью. Что уж говорить о поездке в другой город. Для всякого перемещения приходится подвергать риску идентичность всех своих близких.

Отмена аудиторных занятий и совещаний была компенсирована работой по видеосвязи. Количество дистанционных встреч увеличилось, возросла их интенсивность и эффективность. Со временем стало очевидно, что мы превратились в социальных инвалидов, а текущая эпоха — это эпоха инвалидизации. В коротком периоде мы не можем сказать, что переживаем — эволюцию, инволюцию, революцию и пр., это станет понятно позже. Но то, что мы стали в некотором смысле инвалидами, можно сказать уже сейчас. При этом некоторые люди в окне монитора в условиях чётких ограничений включённости/выключенности микрофона стали выглядеть более здоровыми, чем выглядели в кабинетах «во весь рост». Так бывает и в жизни. Некоторые инвалиды живут более активно, чем физически целые индивиды.

Бабы по найму рыдали сквозь зубы,

Дьякон и тот верхней ноты не брал,

Громко фальшивили медные трубы,

Только который в гробу не соврал.

Когда жизнь достигла некоторой устойчивости в потерях и приобретениях, стало казаться, что то, от чего отказались сейчас, и раньше было не самым важным. Например, участие в профессиональных собраниях и праздниках. Казалось бы, такая возможность услышать самых популярных, активных и оригинальных коллег. Да и самому быть услышанным и принятым! Зачем это теперь? Почему я не участвую в огромном количестве праздников, вдруг ставших доступными посредством видеосвязи? Нет, я, конечно, отчасти участвую. Знаю, о чем говорят, и храню записи, но это напоминает покупку книг с последующей постановкой их на полку, без прочтения. Как будто они должны пройти проверку временем, прежде чем стать достойными чтения. Если не будет важно потом, то не стоит воспринимать и сейчас. Но ведь люди уже сейчас достойны! И мероприятие достойное! И организаторы проявляют чудеса самоотверженности. А я в этом как-то не особенно живу. Может это по собственной подлости?

Бывший начальник — и тайный разбойник —

В лоб лобызал и брезгливо плевал.

Все приложились, и только покойник

Так никого и не поцеловал.

Но если предположить, что есть какая-то тенденция, императив, требующий не только бережного отношения к словам, произносимым мной, но и бережного отношения к словам, которые могут быть мной услышаны? Ведь если я уже кого-то или что-то слушаю, значит, я уже потерял что-то своё? Может, сегодня действительно надо думать в большей степени вперёд на уровне восприятия, а не вперёд на уровне деятельности, и не слушать то, что просто интересно упаковано, а обработать эти сообщения сначала собственной суверенной жизнью, ещё не начав их всерьёз осмысливать? Сегодня столько сообщений! У меня на информационных ресурсах накапливаются материалы, которые я отмечаю как «надо посмотреть». На каждом информационном канале таких материалов сотни и очевидно, что большинство из них посмотреть не придётся. Само по себе это не страшно. Так устроена жизнь, упущенных возможностей всегда больше, чем использованных. Но мне бы хотелось отметить другую, казалось бы, мелочь. Я не участвую в праздниках, событиях, проектах, как говорится, «от всей души». Я участвую в тех мероприятиях, куда меня лично приглашают хорошо знакомые мне люди. И то не во всех. Например, эта вот публикация. Хорошие люди в достойном издании просят оформить сообщение на конгрессе в виде публикации. Я прекрасно понимаю всю эту реальность с конгрессами и журналами. Знаю эту работу. Знаю, как непросто живётся редакторам. Понимаю, что по совести стоит сделать публикацию. Но не успеваю. В лучшем случае успеваю начать. Но точно не успеваю завершить. Я полностью вовлечен в начатые мной самим дела. Участвовать в других делах нет ни сил, ни времени. У меня так много собственного, что «уход» за ним требует полной самоотдачи.

Но грянул гром — ничего не попишешь,

Силам природы на речи плевать, —

Все побежали под плиты и крыши,

Только покойник не стал убегать.

Раньше мы искали доступ к книгам, фильмам, событиям, мастерам, примерам, опыту. Искали компанию, стремились быть причастными. Сейчас я ищу свою уникальность и своим студентам, клиентам, читателям помогаю найти их собственную уникальность. Очень частый сегодня вопрос: что в жизни моё? С ответом затрудняются и подростки, и взрослые. А почему этот вопрос сегодня такой трудный?

Что ему дождь? От него не убудет.

Вот у живущих закалка не та.

Ну а покойники, бывшие люди, —

Смелые люди и нам не чета.

Где сегодня место экзистенциальному терапевту? На что следует ориентироваться в ситуации тотальной неопределённости, странных манипуляций с информацией, идеями, образованием? Думаю, что нам надо жить поближе к погосту. И хоронить трёх главных идолов прошлой эпохи: психологию достижений, психотерапевтические технологии и средства массовой информации. Как пел Владимир Семенович Высоцкий: «И ни церковь, ни кабак — ничего не свято!». Кладбище для этих идолов должно быть светлым. Оно уже светится.

Как ни спеши, тебя опережает

Клейкий ярлык, как отметка на лбу,

А ничего тебе не угрожает,

Только когда ты в дубовом гробу.

После сообщения Александр Ефимович Алексейчик задал мне вопрос: приведите пример, как хороните? Как меня похороните? Я тогда не успел сообразить и ответил, что Александр Ефимович уже в вечности и его я не хороню. А потом «пожил» эту мысль и понял — хороню, конечно. Именно потому, что у нас уже есть общая вечность, «похороны» Алексейчика — великий праздник. Как хороню? Понимая, что не стремлюсь к будущим событиям. Уверен, мы еще встретимся. И на семинаре поработаем, и по книжному магазину походим. К этим событиям не надо стремиться, мы уже обречены на них. Но и в прошлом, то есть в вечном, уже столько моего, что хватит на всю оставшуюся жизнь. Хоронить — это ведь не терять, а сохранять.

Можно в отдельный, а можно и в общий —

Мертвых квартирный вопрос не берет.

Вот молодец, этот самый усопший:

Вовсе не требует лишних хлопот.

Но и на кладбище различия, уникальности жизни не исчезают. Одно дело хоронить реально и вечно живого Алексейчика, другое дело хоронить идолов прошлого. Как я уже отмечал, психологию достижений, психотерапевтические технологии и средства массовой информации следует похоронить в светлом, прозрачном, понятном образе. Идолов мы хороним совсем не там, где родителей, учителей, друзей. Ведь там, где мы хороним друзей, похоронят и нас. А на месте захоронения идолов должен возникнуть музей. Смотреть можно и нужно, а трогать нельзя.

В царстве теней — в этом обществе строгом —

Нет ни опасностей, нет ни тревог.

Ну, а у нас — все мы ходим под богом,

Только которым в гробу — ничего.

Психология достижений, популярная в прошлом, должна получить свое настоящее имя и называться теперь психологией унижений. Её, как служанку идеологии роста потребления, следует уволить на пенсию с последующим захоронением. Ценности будущих достижений должны заранее, уже сейчас, подвергаться суду, проверкам, сатире. Психологически важными должны быть достижения прошлые — те, которые

уже случились в моей жизни. Точнее, они уже стали началом меня и моей жизни. Но они не кончились. Я ими и сейчас живу.

Слышу кругом: «Он покойников славит!»

Нет, я в обиде на нашу судьбу.

Всех нас когда-нибудь кто-то задавит,

За исключением тех, кто в гробу.

Психотехнологии сегодня — это инструменты работы «младшего психперсонала». В отличие от младшего медперсонала, труд которого достоин всяческого уважения, поскольку они имеют дело с немощными людьми, деятельность современного младшего психперсонала, как правило, не достойна уважения, переоценена. И надо понимать, что их работу каждый человек должен делать сам. Неправильно, что мы позволяем человеку быть психологически не самобытным, не самостоятельным, немощным. Накупив себе психотехнологий прошлого века, запутавшиеся в жизни выходцы из социальных сейфов (школ, университетов, офисов) часами, днями и неделями могут выслушивать, анализировать, интерпретировать, трансформировать, катализировать таких же, как они, заблуждающихся в своих ожиданиях «потребителей».

Есть опасения, что рекламные предложения пройти бесплатный семинар о том, как создать успешную психологическую практику и построить очередь из клиентов, скоро превратятся из предложений в упреки: «Почему ты до сих пор не выкладываешь в социальные сети свои истории успеха?».

Если мы не станем игнорировать уникальность человеческой жизни, то окажемся живущими среди соседей. А, как известно, «чем выше забор, тем милее соседи». Пусть у моих коллег будет своё хозяйство и пусть у них всё будет хорошо, но пусть их собаки не набрасываются на меня по утрам, их петухи не мешают мне спать, а сорняки не осеменяют мой сад. Надо кооперироваться. Надо помогать друг другу. Но жить у себя дома. Если рядом со мной живет хороший плотник, то вместе с ним мы можем построить мне сарай.

Его технологии мне интересны не сами по себе, а вместе с ним. Зачем мне дорогие плотницкие инструменты без его рук, его глаз, его опыта? Так, в начале эпидемии коронавируса прошла новость, что олигархи покупают себе аппараты искусственной вентиляции легких. А почему анестезиолога сразу не покупают? Один купил себе психотехнологии, другой позволил ему изображать из себя мастера. Хорошо, если не покалечатся оба. Но даже если получится что-то не опасное, куда это «поставить»? Туда, откуда взяли. Торговля психотехнологиями и раньше была шарлатанством, а теперь тем более.

Уникальность человеческой жизни и психология достоинства (достоинство — это достижения в прошлом) требуют кооперации (соседства и собственности). Кооперация требует суверенитета. Определим суверенитет как достаточность ставки. Если коротко,

зависимость — это когда хочется, чтобы все было своё, а суверенитет — когда чужого не надо, потому что можно заключить союз с хозяином чужого. В этом случае и моего другим не надо, поэтому мы друг друга не трогаем. И это причина похоронить средства массовой информации. Как похоронить? Успокоиться с идеей потребления в шаговой доступности и строить жизнь на производстве в шаговой доступности. Поддерживать суверенитет. Я, будучи дома, могу «производить» всю свою работу. Проводить занятия, руководить образовательной программой, издавать книги, организовывать мероприятия и т.д. Технологии позволяют. Но мне нужен доступ к источникам. А средства массовой информации мне доступ к источникам закрывают. Почему СМИ считают критерием своей успешности количество просмотров? Потому, что в этом количестве никто, кроме них самих, не заинтересован. Я не спорю с их мнением, я им не интересуюсь.

Жизнь в контексте достоинства (уникальности), кооперации (аутентичности) и суверенитета не становится проще. Но, похоже, старые модусы бытия — универсализация, тиражирование, утилизация, меняются на новые — уникальность, кооперация, суверенитет.

Это начало долгого разговора и большой работы. Переселяемся поближе к кладбищу и разделяем то, что будет захоронено С НАМИ и то, что мы похороним еще при своей жизни отдельно от своего. Что это означает не в метафоре, а на деле?

Мы теперь не покупаем технологии, мы их наследуем. Мы не строим системы тиражирования успехов, мы оставляем производителей отвечать за свои произведения. Иными словами, мы оставляем их продукты, становящиеся мусором при недостаточной о них заботе, им самим. Сделали — изживайте. Мы не покупаем трансляторы

информации, знаний и новостей, мы сохраняем источники знаний, информации и истин.

Если коротко, в декларативной форме:

— от объективации уникальности человеческой жизни (достоинства) — к кооперации на основе аутентичности;

— от работы на перспективу потребления в шаговой доступности — к суверенитету (производству в шаговой доступности);

— от средств массовой информации — к чистоте, достоверности источников.